

УДК / UDC 342.56 : 342.6 (091) (047) «19»
DOI 10.35231/18136230_2021_2_40

Криминальные поджоги как средство кулацкого террора в ходе реформирования сельского хозяйства СССР в конце 1920-х гг.

М. Э. Жаркой, А. Б. Доильницын, Н. М. Силуянова

*Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Актуальность темы обусловлена рассмотрением сложных вопросов теоретико-идеологических дискуссий руководства СССР по проблеме реформирования сельского хозяйства страны в условиях обострения форм классовой борьбы, одной из которых явились криминальные поджоги.

Проанализированы теоретические подходы отдельных руководителей СССР к предмету исследования. Рассмотрена уголовно-правовая практика форм государственного принуждения в области достижения экономических целей. Обоснована концепция решения указанной проблемы. В научный оборот вводятся архивные данные, подтверждающие воззрения авторов.

Сформулированы выводы, возможно имеющие необходимость внедрения в современную социально-экономическую практику.

Ключевые слова: классовая борьба, коллективизация, поджог, уголовная ответственность, имущество, социалистическая собственность.

Для цитирования: Жаркой М.Э., Доильницын А.Б., Силуянова Н.М. Криминальные поджоги как средство кулацкого террора в ходе реформирования сельского хозяйства СССР в конце 1920-х гг. // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 2 (64). С.40–52. DOI 10.35231/18136230_2021_2_40

Criminal arson as a means of kulak terror in the course of reform of the USSR's agriculture in the late 1920s

Mikhail E. Zharkoy, Alexey B. Doilnitsin Natalia M. Siluyanova

*St. Petersburg University State fire service of EMERCOM of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation*

The relevance of the topic is due to the consideration of certain issues of theoretical and ideological discussions of the leadership of the USSR on the problem of reforming the country's rural economy in the context of the aggravation of forms of class struggle, one of which was criminal arson.

The theoretical approaches of individual leaders of the USSR to the subject of research are analyzed. The article considers the criminal law practice of forms of state coercion in the field of achieving economic goals. The concept of solving this problem is substantiated. Archival data confirming the views of the authors are introduced into scientific circulation.

Conclusions that may need to be implemented in modern socio-economic practice are formulated.

Key words: class struggle, collectivization, arson, criminal liability, property, socialist property.

For citation: Zharkoy, M.E., Doilnitsyn, A.B., Siluyanova, N.M. (2021) Kriminal'nye podzhogi kak sredstvo kulackogo terrora v hode reformirovaniya sel'skogo hozyajstva SSSR v konce 1920-gg. [Criminal arson as a means of kulak terror in the course of reform of the USSR's agriculture in the late 1920s.]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 2 (64). pp. 40–52. DOI 10.35231/18136230_2021_2_40 (In Russian).

Введение

Характерной чертой экономической жизни в 1930-х гг. было преобладание хозяйственных проектов, что вполне объяснимо условиями не только относительно мирного этапа эволюции советской государственности, но и вступившими в уверенную стадию поступательного развития результатами первого пятилетнего плана и обнадеживающими начальными показателями второй пятилетки или «пятилетки коллективизации», план которой был утвержден на период 1933–1937 гг. XVII съездом ВКП(б), проходившим в Москве в январе–феврале 1934 г. Объективно необходимые инновационные процессы преобразования сельского хозяйства в СССР, фактически связанные с революционным переделом собственности на селе, коснулись миллионов советских граждан, относящихся к различным социальным слоям, что вызвало небывалое, после Гражданской войны, обострение форм классовой борьбы.

Цель коллективизации сводилась к объединению крестьян в колхозы, чтобы тем самым получить за счет деревни необходимые средства для индустриализации, конечной задачей которой было создание мощного военно-промышленного комплекса, способного в условиях тенденции к военно-блоковой коалиции враждебных для СССР в начале 1930-х гг. стран обеспечить отечественный оборонный потенциал вооружением, способным адекватно и эффективно противостоять потенциальному агрессору, с одной стороны, – с другой стороны, решить проблему продовольственной безопасности.

Исходя из сказанного, по нашему мнению, есть серьезные основания полагать, что коллективизация, со всеми ее издержками и жертвами, дала развитию страны мощный импульс в сфере социалистической индустриализации.

Основное исследование

Дискуссионность положений проблемы

И.В. Сталин, вслед за В.И. Лениным, исходил из того, что крестьянин – по своей природе колеблющийся собственник, и таким образом, задача состоит в создании для него привлекательного фасада нового строя, в поиске союза с ним на началах обобществленного крупнотоварного сельскохозяйственного производства через кооперацию. Полемизируя с оппозицией, предупреждая партию о наличии «правого уклона», Сталин говорил: «...пока мы живем в мелко – крестьянской стране, пока мы не выкорчевали еще корней капитализма, для капитализма имеется более прочная экономическая база, чем для коммунизма... Из этого и вытекает возможность восстановления капитализма в нашей стране» [12, с. 233]. Следовательно, руководство страны, впервые открывшей новое направление диалектического развития и идущей по пути, собственно, социалистических преобразований, еще на стадии разработки коренной сельскохозяйственной реформы прекрасно осознавало, предвидело и имело представление об опасности социального регресса ввиду преимущественно аграрной природы основной массы объекта социального эксперимента.

Не вызывает сомнения, что само крестьянство состояло из группировок различных социальных ориентаций и отношение к ним, по справедливому мнению И.В. Сталина, не могло быть однозначным: «бедняк» будет всегда преимущественно опорой, базой и союзником рабочего класса; «средняк» может быть попутчиком, причем попутчиком колеблющемся и отклоняющимся в любой момент в зависимости от привлекательности социально – экономических лозунгов и программ различных политических течений; «кулак» же выступает только и исключительно как непримиримый классовый враг [13, с. 39]. Анализируя крестьянство, И.В. Сталин в очередной раз подтверждает правильность взгляда В.И. Ленина на крестьянство как на последний капиталистический класс: «Крестьянство является тем классом, хозяйство которого базируется на частной собственности и мелком товарном производстве», и пока оно «остается индивидуальным крестьянством, ведущем мелкотоварное производство, выделяет и не может не выделять из своей среды капиталистов постоянно и непрерывно» [13, с. 40].

Участвуя в политической дискуссии с Н.И. Бухариным, и принимая меры к исключению последнего из политической сферы, разоблачая несостоятельность его взглядов и позиций его сторонников, И.В. Сталин в своем выступлении на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. сводил взгляды сторонников Бухарина к следующему: «нормализация» рынка, допущение свободных цен на рынке; повышение цен на хлеб; всемерное развитие индивидуальных крестьянских хозяйств; сокращение темпов развития колхозов: заготовки путем саморегуляции; исключение регулирования и чрезвычайных мер против кулачества; в случае недостатка хлеба, его ввоз из-за рубежа; в случае недостатка валюты для закупки хлеба, сократить ввоз оборудования для промышленности, а следовательно, и темпы развития индустрии и т. п. Другими словами, говорит И.В. Сталин, по Бухарину, «ключом реконструкции сельского хозяйства является развитие индивидуального крестьянского хозяйства» [13, с. 63]. Конечно, услышав о таких взглядах, сельская зажиточная часть крестьянства, кулачества, сразу активизировалась, поддержала экономические выкладки т. н. «бухаринской школы», как следствие весьма вольготно почувствовала себя, активно саботировала хлебозаготовки, поднимала восстания в различных регионах, особенно традиционно провинциальных и экономически и культурно отсталых, приступила к разработке и осуществлению террористических актов против сельского актива, партийного и советского руководства, представителей карательных органов, разоряла, поджигала, уничтожала колхозные хозяйства, о чем будет сказано более подробно ниже. Руководствуясь поступающей с мест этой и подобной ей объективной информацией в «Ответе товарищам колхозникам» в апреле 1930 г. И.В. Сталин пояснил, что ряд ошибок и перегибов в колхозном строительстве «создают благоприятную обстановку для усиления и укрепления правого уклона в партии», так как они изображают линию партии в превратном свете [13, с. 217]. «Терпеть дальше этих пауков и кровопийц, поджигающих колхозы, убивающих колхозных деятелей и пытающихся сорвать сев, – значит идти против интересов рабочих и крестьян», – заявил Сталин [13, с. 225]. Как видим, в этом бескомпромиссном выводе не только содержался непредвзятый анализ перспектив сложившейся ситуации, но и прозвучало грозное предупреждение тем, кто стоял на пути социалистических преобразований сельского хозяйства в СССР.

Суть проблемы

Надо признать, что заготовительные кампании в указанных исторических условиях приводили к открытым восстаниям, причем они в значительной степени участились весной 1928 г., когда количество массовых выступлений подскочило с 36 в апреле до 185 в мае и 225 в июне (т. е. только за два месяца увеличились в шесть раз, или на 84%). Эти выступления организовано и жестко подавлялись, и как результат применения целенаправленных организационных, политических, военных, оперативно-чекистских, карательных и воспитательных мер, в июле волна восстаний спала – до 93. Однако, как и следовало предвидеть, маргинальная часть крестьянства и направляющие ее деятельность лидеры оппозиции, перешли к иным методам борьбы – в сентябре количество терактов на селе увеличилось до 103 (в январе – 21), т.е. почти в пять раз, или почти на 80%, а к ноябрю того же года возросло до 216, или в 10,2 раза по сравнению с показателем первого месяца года. В ноябре, по оперативным данным ОГПУ, почти вдвое выросло количество подпольно тиражируемых листовок, агитировавших против коммунистов и распространяемых среди преимущественно отставшей и безграмотной части крестьянства [15, с. 161]. Параллельно количество террористических актов против активных участников колхозного движения возросло. Только в декабре 1927 г. и за семь месяцев 1928 г. их было зарегистрировано 1440. В июне 1928 г. в трех деревнях близ Ижевска зажиточные крестьяне из числа бандитствующих элементов устроили массовую порку розгами «бедняков» и «средняков», которые требовали передачи находящейся в пользовании у кулаков земли и хотели организовать ТОЗ. Такой превентивной акции, ранее активно используемой царизмом на протяжении всей российской истории и практиковавшейся разного рода белогвардейскими правительствами в годы Гражданской войны, было подвергнуто 300 чел. [14, с. 206–207]. Объективно такое поведение антиколхозной оппозиции озлобляло беднейшее крестьянство и подталкивало к вступлению в колхозы, в которых виделась защита и восстановление утраченных имущественных прав за счет тех, кого раскулачивали. Присутствие такого меркантильного интереса отрицать, конечно же, нельзя.

В первую половину 1928 г. в Ленинградской области (в состав которой входили, помимо современной Ленинградской области, территории нынешней Вологодской, Псковской, Новгородской, Мурманской областей и

пять районов Тверской области) было совершено девять террористических актов, а во второй половине того же года – уже 37 (рост в четыре раза, или на 75,7%). Еще более борьба кулачества усилилась в 1929 г. За первую половину этого года, и опять же только в Ленинградской области, было совершено уже 40 террористических актов, что в 4,4 раза больше, по сравнению с АППГ¹. В Сибири же количество терактов достигло 1135 против 226 в 1927 г. (рост в пять раз или на 80%). На Украине с октября 1928 г. по август 1929 г. было совершено 848 случаев террора, в Московской области с января по сентябрь 1929 г. при 2198 нападениях было убито 480 активистов, над 830 работниками была совершена зверская физическая расправа [1, с. 44–45]. Но наибольшее количество террористических актов было осуществлено в Центрально-Черноземной области (ЦЧО). Из 143 сообщений, поступивших в прокуратуру РСФСР в январе 1929 г., на ЦЧО приходилось 29 дел, Сибирский край – 13, Брянскую губернию – 8. Всего в 1929 г. в ЦЧО было зарегистрировано 1233 случаев террора, из них 851 являлись ответом кулачества на применение чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок [7, с. 85]. Заметим, что в той же ЦЧО только в период с 1 августа по 1 сентября 1929 г. было совершено 5619 преступлений, из них против представителей советской власти – 167². В период с 1 февраля по 1 сентября 1929 г. кулаками здесь было организовано 2380 поджогов и совершено 613 преступлений против представителей Советской власти³. Если в 1929 г. по стране было зарегистрировано свыше 1300 мятежей, то только за январь–март 1930 г. – не менее 2200 (с почти 800 тыс. участников), что было в 1,7 раза больше, чем за весь 1929 г. Особенно широкий масштаб антиколхозные выступления получили на Северном Кавказе, Средней и Нижней Волге, в ЦЧО, Западной Сибири, Московской области, республиках Средней Азии [7, с. 86].

Надо заметить, что в условиях массового кооперирования сельского хозяйства и обострения форм классовых противоречий в деревне, сопротивление кулачества приняло форму массового террора. В 1928 г. зарегистрировано 1400 террористических актов, в 1929 г. только в Ленинградской, Центрально-Черноземной областях, Средне-Волжском крае их число составило 1202. По некоторым данным, в РСФСР было зафиксировано порядка 30 тыс. поджогов колхозного имущества [4, с. 544,

¹ Рабочий суд. 1929. № 15/16.

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 83. Д. 14. Л. 32, 46–46 об.

³ Подсчитано авторами. Исх. данные: ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 83. Д. 14. Л. 46–378.

607]. С августа 1928 г. по май 1929 г. было совершено 152 террористических акта против учителей-общественников, в том числе 11 убийств, 19 покушений на убийство и 19 избиений [14, с. 207]. По данным судебных органов, в центральных областях РСФСР (без учета автономных республик) только за девять месяцев 1929 г. кулаками были совершены теракты против 1002 чел., из них 544 чел. являлись служащими низовых советских органов, 412 общественников, 46 сельских корреспондентов. За это же время было совершено 141 поджог, 384 убийства и т. д. Из числа привлеченных к ответственности за террор 31,2% составили кулаки, 57% середняки-подкулачники и лишь 9% бедняки [5, с. 9–10]. Власти предпринимали ответные государственно-политические меры. Широкое распространение стали получать нетрадиционные меры репрессивно-превентивного воздействия на потенциальный электорат. В частности, те, кто в период НЭПа занимался активным частным предпринимательством, торговлей, единоличничеством, как свидетельствуют архивные документы, лишались избирательных прав. Так, например, из коллективов 577 хозяйств в Ряжском уезде Рязанской губернии на 1 декабря 1927 г. были лишены избирательных прав работники 151 хозяйства, которые имели патенты на торговлю¹.

Обращает на себя внимание, что в перечень административно-территориальных единиц, наиболее пораженных антиколхозными выступлениями, входят, помимо бывших национальных окраин, по крайней мере, два региона, в которых Советская власть уже вела непримиримую борьбу с крестьянским оппозиционным движением – это территории ЦЧО – Воронежский, Тамбовский, Козловский районы и Западная Сибирь. Данное обстоятельство подтверждает тот факт, что недовольство в этих регионах присутствовало и умело интегрировалось политической оппозицией и при определенной ее гиперболизации вылилось в указанные формы обострения классовой борьбы.

Тем не менее, как свидетельствуют документы о карательной практике того времени, наиболее распространенной формой кулацкого террора по истреблению, уничтожению и повреждению имущества колхозников и активистов движения, являлись поджоги², ответственность

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 55. Д. 2752. Л. 42.

² Уголовный кодекс РСФСР. Постатейный комментарий. М.: Советское законодательство, 1932. С. 135.

за которые предусматривалось ст. 175 действующего УК РСФСР в редакции 1926 г. В сельской местности наиболее часто приходилось сталкиваться с преступлениями, предусмотренными ч. 2 ст. 175, т. е. поджогами, как правило, совершенными на почве мести. Так, в ночь на 3 августа 1929 г. в пос. Ст. Лабощ Упорейского сельсовета группой кулаков был убит председатель комиссии по хлебозаготовкам М.Ф. Ранев. 19 августа в Орловском округе у председателя Петровского сельсовета Жуленякина был совершен поджог зернохранилища, в результате чего сгорело 14 копен. В ночь на 11 августа в Дубровском поселке Сергеевского сельсовета у председателя сельского комитета Подрезова были сожжены надворные постройки и 27 копен. 12 августа в с. Ловчиново Орловского округа был совершен поджог сарая с зерном и кормом, пожаром был уничтожен сарай с зерном у председателя сельсовета Савоськина. Проведенным дознанием было установлено, что поджог совершила гр. К. – жена местного кулака, на почве мести за активное участие потерпевших в хлебозаготовительной кампании, в результате чего К. было предложено вывезти излишки и когда он это не выполнил, у них произвели изъятие имущества. В ходе этого К. угрожала: «Пусть свезут с поля копны, мы покажем». В ночь на 24 августа в с. Куровщина Тамбовского округа от умышленного поджога сгорела рига с хлебом, принадлежащая К.И. Ульянову. Общая сумма убытка составила 1000 руб. Его дочь состояла членом сельсовета и являлась членом комиссии по хлебозаготовкам. Преступление было совершено на почве мести подозреваемым Д., выходцем из кулаков. 19 августа в 20.00 в помещении Орлянского сельсовета уполномоченный ОГПУ Лаврушин проводил дознание о злоупотреблениях бывшего председателя сельсовета Л. и его связях с бывшим помещиком Р. и тремя местными кулаками. Было установлено, что, будучи председателем сельсовета, более двух лет он оказывал покровительство бывшим помещикам и кулакам и выдавал им справки о лояльном отношении к Советской власти (как заметим, кстати, и Тимофей Морозов в 1932 г., отец Павла Морозова) и растратил 756 р. казенных денег. В это время во дворе появились бывшие помещики братья Р. и группа сельских кулаков. Когда уполномоченный ОГПУ вышел во двор посмотреть свою лошадь, из-за угла дома по нему выстрелили. К сожалению, задержать преступников не удалось¹. В ночь на 17 августа 1929 г. в Козловском округе в с. Кривополье

¹ Информационная справка о движении преступности по Центрально-Черноземной области с 1.08 по 1.09. 1929 г. // ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 83. Д. 14. Л. 1 – 11.

было совершено зверское убийство семьи Поколеновых, состоящих из трех человек. При осмотре трупов было установлено, что только Поколеновой С.И. было нанесено четыре глубоких раны, сыну Г. перерублена правая рука, на шее и пояснице наличествовали удары топором и восемь мелких ранений, у другого ребенка была перерублена шея и нанесено пять ударов по голове. Убийство было совершено кулаками на почве местной колхозной активистам¹. По обобщенным данным, в 1929 г. в Центрально-Черноземной области России число поджогов составляло 40%, а в некоторых районах – 70–80% от общего числа пожаров [8, с. 413]. Как видим, в этих непростых условиях социального противостояния, поджоги, наряду с физической расправой над колхозным активом, приняли широкий и массовый характер, превратившись в одну из наиболее опасных форм уничтожения и истребления общепризнанным способом личного имущества частных лиц, участвующих в социалистических преобразованиях в деревне и имеющих цель запугать потенциальных сторонников колхозного движения.

Результаты и последствия проблемы

Массовые акции, воспрепятствовавшие реформированию сельского хозяйства со стороны классовых противников социалистических преобразований, в том числе в форме умышленного уничтожения имущества путем поджога, выступали наиболее распространенной формой классового террора, являясь общественно опасным методом посягательства не только на имущество, но и на жизнь людей. В известной степени гарантией обеспечения безопасности имущества, жизни и неприкосновенности граждан выступала уголовно-правовая охрана указанных отношений, находящая выражение в нормах действующего УК РСФСР.

Заключение

По нашему мнению, советское законодательство конца 1920-х гг. в области борьбы с поджогами со всей очевидностью показывает, что в развитие столетних традиций, заложенных в Уставе пожарном Российской империи [10], в указанное время была создана прочная нормативная

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 83. Д. 14. Л. 32.

база, направленная на борьбу с криминальными поджогами, как средством кулацкого террора и отвечающая политико-правовым реалиям того периода [2].

Пик рецидива криминальных поджогов впоследствии пришелся на первые годы после развала СССР, в условиях непродуманного, во многом необоснованного и неурегулированного должным образом, прежде всего законодательством о земле, экстремального перехода на новую систему хозяйственных отношений.

В связи с активизацией историко-правовых исследований в этой области [3; 6; 9;11] вопросы борьбы с криминальными поджогами в конце 1920-х гг. представляют особый интерес.

Список литературы

1. Ваганов Ф.М. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928–1930 гг.). М.: Политическая литература, 1977. 328 с.
2. Жаркой М.Э., Доильницын А.В. Уголовно-правовая характеристика поджогов по советскому законодательству 1920–1930-х годов // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 4 (77). С. 120–124.
3. Законодательство Российской империи в сфере борьбы с пожарами и стихийными бедствиями в первой половине XIX века: хрестоматия в 2 т. Т. I. Законодательство Российской империи в сфере борьбы с пожарами / под общ. ред. Э.Н. Чижикова, Н.И. Уткина; авт.-сост. С.Б. Немченко, А.А. Смирнова, Е.А. Титова. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2019. 272 с.
4. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Кн. 1. М., 1970. Институт марксизма – ленинизма при ЦК КПСС. 663 с.
5. Лаговиер Н., Роднянский А. Социалистическое наступление и кулацкий террор. М.; Л.: Государственное издательство, 1930. 165 с.
6. Малько А.В., Немченко С.Б., Смирнова А.А. Обзор законодательства Российской империи XVIII – 1-й пол. XIX в. в сфере борьбы со стихийными бедствиями // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 3 (94). С. 18–27.
7. Михеев В.И. Роль спецслужб в осуществлении репрессивной политики Советской власти в 1920-х – начале 1930-х годов // Отечественная история. 2005. № 6. С. 77–93.
8. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М.: Объединенная редакция МВД России. 1996. 464 с.
9. Пирожкова И.Г. Пожарный устав как источник градостроительного права: особенности систематизации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (130). С. 198–204.

10. Пожарный устав Российской империи: хрестоматия / под общ. ред. В.С. Артамонова; сост. Э.Н. Чижиков, С.Б. Немченко, А.А. Смирнова, Т.И. Опарина, Н.И. Уткин, Е.А. Титова. 2-е изд., доп., испр. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2015. 264 с.

11. Смирнова, А.А., Титова, Е.А. Сравнительно-правовая характеристика Пожарного устава Российской империи редакций 1832 и 1857 гг., как первая попытка систематизации законодательства о пожарной безопасности в Российской Империи // Вестник Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. 2015. № 2. С. 101–108.

12. Сталин И.В. О правой опасности в ВКП(б). Речь на пленуме МК и МКК 19 октября 1928 г. // Сталин И. Вопросы ленинизма. Партиздат ЦК ВКП(б). 1935. 656 с.

13. Сталин И.В. Соч. Т 12. М., ОГИЗ. Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). 1949. 398 с.

14. Трифионов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921-1937). М., Гос. Изд. Политической литературы. 1960. 280 с.

15. Шубин А.В. Вожди и заговорщики. М.: Вече, 2004. 400 с.

References

1. Vaganov, F.M. (1977). *Pravyj ukлон v VKP(b) i ego razgrom (1928–1930 gg.)* [Right bias in the CPSU (b) and its defeat (1928-1930)]. Moscow: «Politicheskaya literatura». 328 p. (In Russian).

2. Zharkoj, M.E., Doil'nicyn, A.V. (2019). Ugolovno-pravovaya harakteristika podzhogov po sovetskomu zakonodatel'stvu 1920–1930-h godov [Criminal law characterization of arson under Soviet law of the 1920–1930s]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' – Legal policy and legal life*. No 4 (77). pp. 120–124. (In Russian).

3. *Zakonodatel'stvo Rossijskoj imperii v sfere bor'by s pozharami i stihijnymi bedstviiami v pervoj polovine XIX veka* [Legislation of the Russian Empire in the field of fire and natural disasters control in the first half of the 19th century]. (2019). Tom I. *Zakonodatel'stvo Rossijskoj imperii v sfere bor'by s pozharami / pod obshch. red. E.N. Chizhikova, N.I. Utkina; avtory-sost. S.B. Nemchenko, A.A. Smirnova, E.A. Titova*. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet GPS MCHS Rossii. 272 p. (In Russian).

4. *Istoriya Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Soyuza* [History of the Communist Party of the Soviet Union]. (1970). Т.4. Moscow: Institut marksizma – leninizma pri CK KPSS. 663 p. (In Russian).

5. Lagovier, N., Rodnyanskij, A. (1930). *Socialisticheskoe nastuplenie i kulackij terror* [Socialist offensive and kulak terror]. Moscow – Leningad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 165 p. (In Russian).

6. Mal'ko, A.V., Nemchenko, S.B., Smirnova, A.A. (2017). Obzor zakonodatel'stva Rossijskoj imperii XVIII – 1-j pol. XIX v. v sfere bor'by so stihijnymi bedstviiami [Review of the legislation of the Russian Empire XVIII – 1st pol. XIX century. in the field of disaster management]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 3 (94). pp. 18–27. (In Russian).

7. Miheev, V.I. (2005). Rol' spetsluzhb v osushchestvlenii repressivnoj politiki Sovetskoy vlasti v 1920-h – nachale 1930-h godov [The role of special services in the implementation of the repressive policy of Soviet power in the 1920s – early 1930s]. *Otechestvennaya istoriya – Domestic history*. No 6. pp. 77–93. (In Russian).

8. *Organy i vojska MVD Rossii. Kratkij istoricheskij ocherk* [Organs and troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. A short historical essay]. (1996). Moscow: Ob"edinenennaya redakciya MVD Rossii. 464 p. (In Russian).

9. Pirozhkova, I.G. (2014). Pozharnyj ustav kak istochnik gradostroitel'nogo prava: osobennosti sistematizacii [Fire Charter as a source of urban planning law: features of systematization]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Bulletin of Tambov University. Seriya: Humanities*. No 2 (130). pp. 198-204. (In Russian).

10. *Pozharnyj ustav Rossijskoj imperii: hrestomatiya* [Fire Charter of the Russian Empire: textbook]. (2015). pod obshch. red. V.S. Artamonova; sost. E.N. Chizhikov, S.B. Nemchenko, A.A. Smirnova, T.I. Oparina, N.I. Utkin, E.A. Titova. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet GPS MCHS Rossii. 264 p. (In Russian).

11. Smirnova, A.A., Titova, E.A. (2015). Sravnitel'no-pravovaya harakteristika Pozharnogo ustava Rossijskoj imperii redakcij 1832 i 1857 gg., kak pervaya popytka sistematizacii zakonodatel'stva o pozharnoj bezopasnosti v Rossijskoj Imperii [The comparative legal nature of the Fire Charter of the Russian Empire of the editions of 1832 and 1857, as a first attempt to systematize fire safety legislation in the Russian Empire]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta GPS MCHS Rossii – Bulletin of St. Petersburg University of the State Emergency Situations Ministry of Russia*. No 2. pp. 101–108. (In Russian).

12. Stalin, I.V. (1935). O pravoj opasnosti v VKP(b). Rech' na plenumе MK i MKK 19 oktyabrya 1928 g. [On the right danger in the CPSU (b). Speech at the plenum of the MK and the ICC on October 19, 1928]. *Voprosy leninizma – Questions of Leninism*. Partizdat CK VKP(b). 656 p. (In Russian).

13. Stalin, I.V. (1949). Soch. T 12. M., OGIz. Institut Marksa – Engel'sa – Lenina pri CK VKP(b) [Institute of Marx – Engels – Lenin under the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks]. 398 p. (In Russian).

14. Trifonov, I.YA. (1960). *Ocherki istorii klassovoj bor'by v SSSR v gody NEPa (1921–1937)* [Essays on the history of class struggle in the USSR in the NEP (1921-1937)]. Moscow: Gos. Izd. Politicheskoy literatury. 280 p. (In Russian).

15. SHubin, A.V. (2004). *Vozhdi i zagovorshchiki* [Leaders and conspirators]. Moscow: Veche. 400 p. (In Russian).

Вклад соавторов

Соавторство неделимое.

Co-authors' contribution

Co-authorship is indivisible.

Об авторах

Жаркой Михаил Эмильевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: jarckoy@yandex.ru

Доильницин Алексей Борисович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: uristigps77@mail.ru; interdep@igps.ru

Силуянова Наталия Михайловна, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: sila76@mail.ru

About the authors

Mikhail E. Zharkoy, candidate of Historical Sciences, Associate Professor, associate professor of the Department of theory and history of state and law of the St. Petersburg University State fire service of EMERCOM of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: jarckoy@yandex.ru

Alexey B. Doilnitsin, Cand. Sci (Law), associate professor of the Department of theory and history of state and law of the St. Petersburg University State fire service of EMERCOM of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: uristigps77@mail.ru; interdep@igps.ru

Natalia M. Siluyanova, senior lecturer of the Department of theory and history of state and law of the St. Petersburg University State fire service of EMERCOM of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: sila76@mail.ru

Поступила в редакцию: 31.03.2021

Received: 31 March 2021

Принята к публикации: 27.05.2021

Accepted: 27 May 2021

Опубликована: 29.06.2021

Published: 29 June 2021